

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 001.5:339.924

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ХТУЛУЦЕНА: ВЗГЛЯД Д. ХАРАУЭЙ

Вермишова П. И.

Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осуществить рефлексию одного из проектов модификации человека на примере работ известного теоретика Д. Харауэй.

Процедуры и методы. Методологией исследования являются социально-философский анализ, общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения, обобщения.

Результаты. Проанализирована сущность «сообщества компоста». Обоснован антифилософский и антисциентистский характер идей Харауэй в отношении природы будущего человека, его видов-симбионтов, определена бесперспективность их применения в качестве социальных практик.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано, что онтология «компоста» Харауэй является радикальным, но утопическим проектом по трансформации человека и социума, следствием которого является деантропологизация.

Ключевые слова: будущее, Донна Харауэй, животные, общество, «Оставаясь со смутой», проект, сородич, тело, хтулукен, человек

MAN AND SOCIETY IN THE AGE OF CHTHULUCENE: THE VIEW OF D. HARAWAY

P. Vermishova

Russian University of Transport (MIIT)

ul. Obraztsova 9, bld. 9, Moscow 127994, Russian Federation

Abstract

Aim. To carry out a reflection on the project of human modification using the example of the works of the famous theorist D. Haraway.

Methodology. The methodology of the research is the socio-philosophical analysis, general scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison, generalization.

Results. The essence of the “compost community” is analyzed. The article substantiates the anti-philosophical and anti-scientific basis of Haraway’s ideas regarding the nature of the future man, his symbiont species, and determines the futility of their application as social practices.

Research implications. It is shown that the ontology of Haraway’s “compost” is a radical but utopian project for the transformation of man and society, the consequence of which is deanthropologization.

Keywords: future, Donna Haraway, animals, society, “Staying with the Turmoil”, project, kindred, body, Chthulucene, human

Общевидовой коммунизм. Это идеология, которую я сам разработал. Или вера – называйте, как хотите. Её основное убеждение – что все виды на Земле созданы равноценными.

Лю Цысинь. «Задача трёх тел»

Введение

Вслед за разнообразными «поворотами» XX в. (лингвистический, коммуникативный, феминистический, цифровой, «тёмный» и т. д.) в поле исследовательских дискуссий вынесен проект трансформации человека. Ряд авторов обращает внимание на многочисленные кризисы, сопровождающие вступление Homo Sapiens в XXI в., и так называемые сдвиги «несущих структур» [2]. Массовое вымирание и экологические угрозы, духовная пустота, одиночество и разобщённость, прекаризация труда и нестабильность, изменение традиционных институтов образования и семьи, социально-политические потрясения находят отражение в работах теоретиков по всему миру [2; 8; 13; 14]. Будущее человека проблематизируется в мрачных тонах и справедливо ставится под вопрос.

Одним из ответов на вышеперечисленные вызовы стал тренд на «экологичность» философии, представленный внушительным корпусом трудов многих авторов, таких как Р. Брайдотти, М. Деланда, Ф. Дескола, Э. Кон, Б. Латур, Т. Мортон, Д. Харауэй, А. Л. Цзин и др. [3–7; 10; 16; 17]. Например, М. Деланда отмечает, что «социальные исторические процессы никогда не были чётко отделены от своих природных реалий, но всегда сосуществовали с ними» [4, с. 52], а Ф. Дескола настаивает на необходимости выработки нового «соотношения природы и общества» [5, с. 8], в то время как Р. Брайдотти подчёркивает «имманентную силу зое» [3, с. 129].

Теоретик Донна Харауэй, о которой пойдёт речь далее, не только поддерживает экоповестку, но и предлагает уйти от традиционной антропологии. Впрочем, попытки осмысления антропологии без и вне человека («по ту сторону») предпринимаются не впервые [5; 6]. Анализу предложенного Харауэй проекта трансформации человека и общества посвящена данная работа.

Предваряя начало собственно рассуждений об идеях Харауэй, пунктирно упомянем несколько фактов, помогающих понять её стиль, основания и замыслы. Донна Харауэй по образованию биолог и признаётся в симпатиях к тентакулярным существам, которые обитают на «истощённых землях и водах» [15, с. 25], т. е. тем, кто обладает щупальцами, усиками, нитями, щетинками и пр., что явно отсылает к началу её академической карьеры в биологии. Профессиональное становление исследователя пришлось на 1960–1980-е, что обусловило специфику её оптики: поиск нового языка и субъектов, акцент на Других и животных, провокативность изложения, эмоциональность и вовлечённость в феминистскую тематику. Автор приобрела известность работой «Манифест киборга» (1985) [19]. В отечественном дискурсе выдвигаемые ею положения стали предметом рефлексии ряда теоретиков, среди которых выделим работы Б. В. Подороги (анализ симпозиаса) и С. В. Соколовского (человек как расширенный организм) [11; 12].

Рассмотрим интегральный проект трансформации человека и социума, предложенный Д. Харауэй в работе «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулucene»¹. Основные тезисы автора «считываются» на уровне названия произведения: неопределённость и тревожность существования заставляют нас, людей, быть деятельными в создании семей иного типа в новой эпохе. Каковы сущностные черты человека? Как определяется и выражается его социальность? Что представляет собой сородич и как именно его «заводить»? Каково будущее человечества? На эти вопросы Харауэй даёт бескомпромиссный, спорный и, считаем, ненаучный и антифилософский ответ.

¹ Русскоязычный перевод слова trouble, переведённое как *смута*, не вполне соответствует значению этого слова: его традиционно переводят как *беспокойство, волнение, тревога, беда, проблемы*.

Харауэй для начала проводит отмежевание собственной позиции как от приверженцев техноапокалипсиса, так и от оптимистов, верующих в техноспасение: вера в то, что «техника каким-то образом придёт на помощь своим непослушным, но умненьким детям или, что по сути то же самое, Бог придёт на помощь своим непокорным, но полным надежды детям ... трогательная глупость» [15, с. 19]. Оба подхода ей чужды, автор предлагает собственный путь. Видение Харауэй рассчитано на целенаправленное изменение сложившейся ситуации в биологизаторском ключе.

Не менее важный акцент она ставит на признании разрушительного вклада маскулинного начала и требовании иного взгляда на мир, природу, социум. Исследователь эмоционально отмечает, что «антропос захвачен родовым, мужским, универсальным» [15, с. 71]¹. Автор подчёркивает, что существование человека как родового существа в дальнейшем в высшей степени не очевидно. Универсализирующий маскулинный нарратив, против которого Харауэй выступает, исключает многие виды из танца жизни. Примечательно, что автор не кодифицирует свою позицию как исключительно феминистскую, что далее будет показано на примере «семьи» в новом социуме. В этом смысле её можно рассматривать скорее, как исследователя, работающего на стыке постгендерной и трансгендерной антропологии [1, с. 75–76].

Сообщество компоста и хтулуцен

В преамбуле автор вводит и проясняет ряд ключевых терминов собственного подхода и обозначает рамки их применения. Ядро её идеи составляют понятия *сообщество компоста*, *сородич*, *симбионт*, *хтулуцен*, *тентакулярность*. Сообщество компоста – объединение на равных основаниях людей и нелюдей (нечеловеческих народов, по выражению Т. Мортонa), жи-

вых и мёртвых, включая модифицированных генетически существ без привязки к жёсткой бинарной оппозиции «мужское-женское».

Материальной основой существования сообществ компоста становится Терраполис². Их ключевая особенность заключается в автономности жизни: в способности сообщества быть источником пищи и переработки, становиться замкнутой системой при потреблении минимальных средств. Этика потребления выстроена максимально эффективным образом. Все органические субстанции служат заданным целям оптимального использования ресурсов: кровь, слёзы, фекалии, останки умерших существ и остатки пищи служат питательной средой, компостной кучей, субстратом для выращивания пищи и прорастания новых форм нечеловеческой жизни. Статус Терраполиса (группа, город, государство) не определён. Основанием существования такого сообщества становится природа и связь с имманентной нечеловеческой силой.

В этих аспектах Харауэй берет за основу убеждения Ф. Хундертвассера, утверждавшего, что человеческие экскременты «намного важнее, чем еда», и постулирующего их «сакральность» и потенциал сделать людей бессмертными³. Харауэй вторит ему, давая характеристику компосту: «воистину, ничто не стерильно; и эта реальность одновременно и страшная опасность, и базовый факт жизни, и тваресозидающая возможность» [15, с. 91].

Авторскому неологизму *хтулуцен* Донна Харауэй не даёт строгого определения. Указано, что это слово состоит из греческих корней χθών (земля, почва, страна, богиня Земли) и καινός (новый; странный, удивительный)⁴. Хтулуцен одновременно

¹ Схожие радикальные убеждения высказывает Роза Брайдотти: антропос, по её мнению, есть «представитель иерархического, гегемонистского и в целом жестокого биологического вида» [3, с. 127].

² Одна из многих отсылок Харауэй к Античности, как идеальному времени сосуществования всех видов, во всяком случае, запечатлённому в мифах.

³ Хундертвассер Ф. Культура дерьма – священное дерьмо. URL: https://hundertwasser.ru/philosophy/pages/1979--Shit_Culture-The_Holy_Shit--RUS-Hundertwasser.html (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ Греческо-русский объединённый словарь И. Х. Дворецкого и Дж. Стронга. URL: <https://>

и место, и эпоха, и альтернативный вариант обитания сородичей, где формируется способность-к-ответу и предусматривается совместное «умирание»: «либо становление друг-с-другом, либо становление ничем» [15, с. 21]. В другой работе 2015 г. автор подчёркивает, что название посвящено щупальцеобразным силам по всей земле [18, р. 160]. С нашей точки зрения, скорее, данный проект можно обозначить для человека как становление-Другим / Чужим.

Homo symbiont

Какими Харауэй видит сородичей и социальные отношения между членами компоста? Харауэй опирается на идеи биолога Линн Маргулис и эколога Бет Демпстер, акцентируя голобиотическую и симпоэтическую природу человека. Обращаясь к установленному факту симбиоза человека с археями и бактериями, Д. Харауэй заостряет тезис, что люди не более чем беспорядочные ассамбляжи и эволюционно «конструируются» с мириадами Других¹. От этой мысли автор делает логический, с её точки зрения, вывод о необходимости искусственной химеризации современных людей. Действительно, человеческий организм представляет собой, по выражению С. В. Соколовского, интегративную целостность [12, с. 10], но в распоряжении эволюции были миллионы лет, а темпоральный горизонт Харауэй ограничен 4 столетиями!

Радикальность её подхода заключается в сокращении и регулировании численности как человеческого населения планеты в целом, так и сообщества компоста в частности. По мнению автора, оптимальная схема

для семьи эпохи хтулуцена состоит из трёх родителей и одного ребёнка.

Достигается это через: «право и обязанность беременного индивидуума (курсив наш. – П. В.) независимо от его гендерной принадлежности выбрать для ребёнка животного симбионта» (это и есть сородич) из числа видов, которым грозит исчезновение [15, с. 183]. Харауэй предлагает для модификации детей гены бабочки (данаида), птицы (пустельга), некоторых ракообразных, амфибий, угрей. Заметим, что пустельга является естественным врагом бабочек, так же как угри лакомятся личинками насекомых и мелкими водными животными. На этом этапе свободы выбора для человеческого существа не допускается, но «в течение всей жизни человек может и далее модифицировать своё тело», например внедрять импланты из щупальц-антенн на подбородке, изменять микробиоту и кишечную флору» [15, с. 185].

Каким образом добавление «патернообразующих генов» и модификация телесности даст «бабочкам и их людям (курсив наш. – П. В.), а также миграциям – шанс на будущее во времена массовых вымираний» [15, с. 193], остаётся неясным. В проекте страннородства *бабочка* ставится на первое место. В понимании автора дети симбионты в процессе взросления испытывают не только сложности с собственной идентификацией, но и осознают мучительную притягательность друг к другу, основанную на «пищевом» интересе², помимо уже имеющихся трудностей с выбором гендера, способа питания, размножения, т. е. образа жизни и смерти.

ekzeget.ru/all-about-bible/dictionaries/grechesko-russkiy-bibleyskiy-slovar/kainos (дата обращения: 20.01.2024).

¹ Тимоти Мортон солидарен с этим утверждением и придаёт ему детерминирующий характер: «мы буквально покрыты нечеловеческими существами, что они пролезли внутрь нас и это не какая-то фатальная случайность, а нечто неизбежное, ключевой фактор самого нашего существования» [10, с. 84].

² В чём практическая необходимость совмещать в одном сообществе на одном пространстве виды, находящиеся в отношениях хищника и добычи, Харауэй не берёт на себя труд разъяснить, хотя ей, как биологу, это было бы сделать достаточно просто и убедительно. У животных, как известно, нет морали, их жизнь обусловлена врождёнными программами поведения, поэтому стыдить сокола за поедание мыши или бабочки никому из людей не придёт в голову: это его естество. Но наблюдать взрослым людям, внедрившим гены бабочки в ребёнка, за его страхами и паническим испугом в присутствии модифицированного генами сокола другого ребёнка, – поведение, далёкое от нравственности.

Темпоральность насекомых, птиц и других предлагаемых видов кардинально также отличается от человеческой. Фактически, таким образом тело человека отчуждается от него.

Отметим, что общие предки человека и насекомых существовали около 600 млн лет назад, человека и мелких млекопитающих типа мышей – 80. В современной науке приняты предварительные испытания с тщательно проработанными протоколами экспериментов. Кто в данном случае будет лабораторной моделью? Будут ли такие испытания или сами геномные вторжения проводиться *in vivo* (в теле «индивидуума») или *in vitro* (в пробирке)? Будет ли обеспечена безопасность для беременного индивидуума и плода? Все существующие методы переноса трансгенов (перенос ядра, модификации стволовых клеток, микроинъекций) требуют высокой квалификации специалистов, точного оборудования и всё равно не позволяют добиться 100% экспериментальной точности и выживаемости. Упомянем также, что необходима предварительная серьёзная работа по получению, обработке, анализу, хранению образцов тканей и выделения нужных генов из ДНК животных, которым уготована роль симбионтов. Очевидно, что данный процесс немыслим без соответствующего оснащения. Симбионты-химеры не смогут управлять оборудованием, созданным человеком и приспособленным под его (человеческие) органы чувств.

Кроме того, это потребует сохранения научной культуры, передачи знаний, настройки, эксплуатации и поддержания работоспособности необходимого для манипуляций оборудования, наличия нужного сырья и материалов, что, впрочем, также не нашло отражения в предложении автора. Способы технического и технологического сопровождения заявленных экспериментов не описаны в работе Харауэй. Т. к. она критикует «убийственное разделение природы, культуры и технологии», по всей видимости, в её замысле это разделение должно преодолеть [15, с. 155].

В отношении генного вмешательства неизвестны последствия для самих организмов в дальнейшем, насколько они будут способны в будущем к зачатию и вынашиванию и в принципе здоровы и жизнеспособны (особенно на фоне изменения рациона и образа жизни), нельзя исключать, что внедрение генов других видов приведёт к ряду заболеваний и бесплодию¹. Позитивная евгеника, предлагаемая Харауэй, сегодня запрещена на законодательном уровне. Как отмечает Ю. Хабермас, генетическое вмешательство в эмбрион нарушает «неприкосновенность личности и не подчинённость другим лицам» [14, с. 31]. Тем самым взрослые осуществляют власть над потомками, лишая тех свободы выбора идентичности, телесности, образа жизни, самой возможности становиться человеком. Хабермас указывает, что потомки имеют право привлечь к ответу взрослых, осуществивших такое воздействие. Нарушается «симметрия ответственности», что впоследствии приведёт к «альтернативе выбора между фатализмом и ресентиментом» [14, с. 25].

Решение Харауэй предполагает господство и власть над природой генетически модифицированных детей: само существование, рождение и взросление этих детей предопределено «родителями» в иной ипостаси. В итоге трое «родителей» решают, чьи чужие гены будут внедрены в их совместное дитя. Обязательность программирования и целенаправленных манипуляций на уровне эмбриона связана с тем, что успешная симбиотическая связь с генами животных во взрослом возрасте невозможна [15, с. 192]. В этом качестве предложенная автором конструкция представляет собой управляемое воздействие и лабораторно-полевое наблюдение, в котором взрослые занимают ту самую

¹ Раз модифицированные дети будут обладать способностью употреблять молочай, содержащий алкалоиды, следовательно, их пищевой рацион будет пересмотрен и расширен. Вероятно, общины компоста в результате генных модификаций в последующих поколениях естественным образом будут вымирать, тем самым достигая желанной для автора цели сокращения численности населения.

отрицаемую Харауэй надзирательно-регулирующе-доминирующую функцию в отношении детей. Человек в соединении с сородичами иных видов превращается в некий общий сконструированный вид. Харауэй предлагает проект управления эволюцией вида *Homo sapiens*, фактически деантропологизации.

Харауэй в своих размышлениях о геномных перспективах также упускает один важный элемент. Продолжая логику рассуждений в духе придания главенствующей роли нечеловеческим акторам, Харауэй рискует оказаться в патовой ситуации: а бабочка согласна на внедрение собственных генов в чужеродный организм? Т. Мортон доводит до конца это суждение и делает опасное для человека, но абсолютно правильное умозаключение: «если у всего есть права, ничто не может быть собственностью, так что ни у чего не может быть прав» [10, с. 117]. В соответствии с этой позицией любой представитель нечеловеческого народа имеет право выбора становления-с-кем и гипотетически призывать к ответу человека.

Заведение сородичей, обретение страннородства, «создание всё более запутанных соединений» [7, с. 292] – ответственный и разумный выбор человечества перед лицом катастрофы, с точки зрения Харауэй. Эта идея обращена к коллективному субъекту в лице прогрессивного человечества. Более того, автор настаивает, что её путь является единственным и обладает универсальной значимостью¹. По всей видимости, теоре-

¹ Не опускаясь до ложного довода «Ты тоже», всё-таки не преминем высказаться, что такое радикальное предложение выбрать путь компоста и компаньонов, похоже, не находит отражения в собственной жизни Донны Харауэй. Среди её многолетних сородичей – овчарки, которым она посвятила книгу о воспитании, взаимодействии и корреляции с социальным устройством общества. Заметим, что исследователь пошла по вполне традиционному пути домашних животных, причём достаточно крупных, не отдав предпочтение представителям редких или исчезающих видов. Биологу должно быть хорошо известно, какую нагрузку на экосистему оказывают домашние кошки и собаки, начиная от производства кормов и заканчивая уничтожением видов: кошки ответственны за исчезновение 63 видов, собаки – 10, и еще 156 подвергаются из-за собак се-

тик апеллирует к этике Г. Йонаса, утверждающей необходимость сегодняшних поступков через призму воздействия на потомков. В паре универсалий культура / природа Харауэй отдаёт предпочтение последней, утверждая «космополитику» будущего для всех обитателей Земли [15, с. 207]. Но сам проект не является системно проработанным решением, главное в нём – резкое сокращение численности населения в 3 раза.

Предлагая людям сделать выбор в пользу сообщества компоста, исследователь оставляет за скобками вопрос свободы воли, т. е. каким образом будут существовать те из жителей Земли, кто не сможет или не захочет по этическим, религиозным, медицинским, социальным и другим причинам сделать аналогичный выбор. За срок в 400 лет, по мнению Харауэй, человечество должно уменьшить свою численность до 2–3 млрд – это достаточный объём для планеты, на её взгляд. В этом отношении идентичные мысли высказывает М. Деланда: «в периоды уменьшения численности населения исключённые из экосистемы растения и животные возвращались» [4, с. 52].

Чем занимаются создания-химеры, или симы, как называет их автор? Коллективная интенциональность представлена в «путешествиях, работе и игре» [15, с. 184], но тема работы и занятости не раскрыта вообще на протяжении всего произведения. Донна Харауэй уделяет значительное внимание описанию досуга: члены сообщества компостистов заняты «неколонизирующим искусством» [15, с. 83] и путешествиями, оплакивая мёртвых, рефлексирова над проблемами прошлого в медитативных практиках и аутентичных трансах и практикуя «время мирения». Сородичи связаны друг с другом многими нитями (сплетёнными верёвочками, по её выражению) в пространстве и времени².

рьёзной угрозе. Подр. см.: Nature has a dog problem. Free-roaming dogs can spread disease and kill wildlife // Science News: [сайт]. URL: <https://www.sciencenews.org/blog/wild-things/nature-has-dog-problem> (дата обращения: 20.01.2024).

² Сходным образом думает Б. Латур: требуется «заново распределить дар речи между людьми и нелюдью» [7, с. 290].

Преодоление оппозиции между человеческим и нечеловеческим, стирание существенной разницы между человеком и животным, по мнению Харауэй, предполагает возврат к мифологическому мировоззрению, для которого характерны образность, символичность, ритуальность, синкретичность (сплетенность нитей, судеб и эпох, Земля-Гея, хтонические существа, химерические люди, странствующие сказители как носители культуры и новые жрецы).

Воспевание мёртвых видов, по которым поётся скорбная песнь и чьи тихие голоса должны быть представлены в общем хоре оставшихся, явно отсылает к экономике дара в архаичных обществах. Данным культурным практикам и путешествиям по «коридорам жизни» исследовательница придаёт статус реципрокности, т. е. социальной «смазки» внутри коллектива и взаимодействия с другими сообществами.

Несмотря на заявления о сохранении возможностей для живых видов, некрополитике автор уделяет не меньшее внимание: помимо искусства скорби, необходимо грамотное компостирование умерших на нижних этажах Терраполиса. Общие смыслы, выражаемые сообществом компостистов в совместных практиках, отражают чувство вины за разрушения Земли-Геи и поиск совместного убежища для многих видов.

В проекте детей компоста за кадром остались такие важные институты и процессы, как имущественные отношения, труд / занятость, образование, деньги, роли и статусы и др. Социальная реальность общества компоста, по-видимому, предусматривает идиллические отношения исключительно по горизонтали: автор ничего не говорит об управлении, иерархии, подчинении, наказании. Какова суть правил, регулирующих поведение и общежитие членов сообщества? Харауэй обошла проблемы обеспечения единства коллективных представлений в группе сородичей. Каким образом возможно функционирование общины в неблагоприятных климатических условиях, как решаются проблемы обеспечения сородичей

необходимыми предметами быта, удовлетворения их медицинских, духовных, образовательных потребностей, потребностей в безопасности – осталось непрояснённым.

В начале произведения автор утверждает, что требуется сосредоточить усилия на миссии восстановления повреждённых почв, лесов, рек, что невозможно на ручном труде. Очевидно, что для исполнения этого безусловно благородного намерения необходимы инструменты, техника, горючее или иные источники энергии. Исключительно на мускульной силе компостистов исправлять истощенные земли означает вернуться на тысячелетия назад до эпохи одомашнивания лошадей и быков. Остаётся вне поля рассматривания автора и вопрос статуса крупных производств, атомных станций, плотин, железных и автомобильных дорог и т. д., т. е. все то, что наносит несомненный вред природе, но в то же время служит фундаментом благополучия современного человека.

Кратко обозначим специфику стиля Харауэй: сильный крен в сторону поэтичности и метафоричности, причём в последней работе автор вдохновляется писательницей У. ле Гуин, пишущей в стиле фэнтези. От неё Харауэй взяла образ сумки как традиционного и метафоричного хранилища (еды, семян, историй), с которой легко пускаться в путешествие, в противовес дубине (копью, посоху, факелу) Героя, вышедшего на охоту¹. Собственное произведение, в чём признается сама Харауэй, классифицируется и как научная фантастика, и как спекулятивный феминизм, и как сплетённые фигуры. Дисциплинарная принадлежность в работе не прослеживается. Заметны мощные эсхатологические и библейские мотивы. Думается, отводить её книге место на полке среди научных изданий, пожалуй, преждевременно.

¹ Сумка – символ женского начала, в то время как дубина (копье) – мужского.

Заключение

Подведём итоги. Исследовательские рамки, которые ставит в своей работе Д. Харауэй, настолько далеки от современной междисциплинарной науки и философии с их устоявшимися методами проверки и аргументацией, что «переводят» автора в зону литературного творчества. Язык и стиль работы «Оставаясь со смутной...» маркируют её как не академический текст.

Насколько предлагаемый автором способ проникновения в реальность хтулцена способен привести к положительным изменениям в коммуникациях человеческих и нечеловеческих акторов, а главное – продуктивному сохранению многообразия их голосов, остаётся нераскрытым. Из-за действующих этических и законодательных правил существующего уровня развития генетики невозможно представить, чтобы проект Харауэй был воплощён в описанном виде. Научность её подхода не может быть подтверждена с помощью критерия фальсифицируемости Поппера.

В компостной (мусорной) экологии Харауэй человек мигрирует от личности в новоевропейском понимании (свободный индивид, цельный субъект, обладающий правом на действия и решения) к

признанию того, что человек рождается под знаком судьбы и предназначения. Исследователь предлагает рассказывать поэтические и вдохновляющие истории, но это поле давно уже занято сферой искусства и литературы. Интеллектуальная фантазия Харауэй продолжает линию низведения человека и буквально отводит ему место в грязи, поэтически именуемой «горячей компостной кучей» и «тваресозидающей» субстанцией. Но даже эти критические замечания можно было бы обозначить как несущественные, если бы в труде Харауэй прослеживалась возможность реального спасения многообразия видов на Земле.

Несомненно, аналогичные попытки уйти от академической теории будут предприниматься и другими мыслителями в дальнейшем. Как пишет А. Молл, «напитывать философию историями это не что-то новое, но такие истории *не становятся основанием чего-либо. Они будоражат* (курсив наш. – П. В.)» [9, с. 13]. Пожалуй, слово *будоражить* в значении «волновать, приводить в смятение» является наилучшим отражением содержания рассмотренной утопии Д. Харауэй.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Постгендерная антропология как политический инструмент тоталитарной демократии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 3 (49). С. 74–79.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени: территория будущего / пер. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
3. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.
4. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // ЛОГОС. 2017. № 3 (27). С. 35–56.
5. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. О. Смолицкой, С. Рындина; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
6. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. А. Боровикова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
7. Латур Б. Политики природы / пер. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
8. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
9. Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике / пер. с англ.; под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.
10. Мортон Т. Стать экологичным / пер. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 240 с.
11. Подорога Б. В. Перипетии симпозиуса: размышления об одном понятии из книги Д. Харауэй

- «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене» // Vox. Философский журнал. 2021. № 35 (17) С. 151–162.
12. Соколовский С. В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17223/2312461X/36/1
 13. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем пресс, 2014. 328 с.
 14. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. М. Л. Хорькова. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
 15. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене / пер. А. А. Писарева, Д. Я. Хамис, П. А. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
 16. Цзин А. Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / пер. III. Мартыновой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.
 17. Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003. 112 p.
 18. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // Environmental Humanities. 2015. Vol. 6. pp. 159–165.
 19. Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. 312 p.

REFERENCES

1. Andreeva V. A. [Postgender anthropology as a political instrument of totalitarian democracy]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2023, no. 3 (49), pp. 74–79.
2. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times (Rus. ed.: Smirnov A., Edelman N., transl. *Dolgij dvadcatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni: territoriya budushchego*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 472 p.).
3. Braidotti R. The Posthuman (Rus. ed.: Hamis D., transl. *Postchelovek*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2021. 408 p.).
4. Delanda M. [New Ontology for the Social Sciences]. In: *LOGOS*, 2017, no. 3 (27), pp. 35–56.
5. Descola P. Beyond Nature and Culture (Rus. ed.: Smolickaya O., Rydin S., transl. *Po tu storonu prirody i kul'tury*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 584 p.).
6. Kohn E. How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human (Rus. ed.: Borovikov A., transl. *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 344 p.).
7. Latour B. Politics of Nature (Rus. ed.: Blinov e., transl. *Politiki prirody*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 336 p.).
8. Lipovetsky G. The Age of Emptiness. Contemporary Individualism (Rus. ed.: Kuznecov V. V., transl. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2001. 336 p.).
9. Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Rus. ed.: Pisarev A., Gavrilenko S., eds. *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike*. Perm, Gile Press, 2017. 254 p.).
10. Morton T. Being Ecological (Rus. ed.: Kralechkin D., transl. *Stat' ekologichnym*. Moscow, Ad Marginem press Publ., Garazh Publ., 2019. 240 p.).
11. Podoroga B. V. [The Ups and Downs of Sympoiesis: Reflections on One Concept from D. Haraway's Book "Staying with the Turmoil: Making Kin in the Chthulucene"]. In: *Vox. Filosofskij zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 2021, no. 35 (17), pp. 151–162.
12. Sokolovsky S. V. [The Cyborg Body: Man and the Concept of the Extended Organism]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2022, no. 2, pp. 6–26. DOI: 10.17223/2312461X/36/1
13. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class (Rus. ed.: Usov N., transl. *Prekariat: novyj opasnyj klass*. Moscow, Ad Marginem press Publ., 2014. 328 p.).
14. Habermas J. The Future of Human Nature (Rus. ed.: Horikov M., transl. *Budushchee chelovecheskoj prirody*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002. 144 p.).
15. Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene (Rus. ed.: Pisarev A. A., Hamis D. Ya., Hanov P. A., transl. *Ostavayas' so smutoj: zavodit' sorodichej v htulucene*. Perm, Gile Press, 2020. 340 p.).
16. Tsing A. L. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins (Rus. ed.:

- Martynova Sh., transl. *Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinah kapitalizma*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2017. 376 p.).
17. Haraway D. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, Prickly Paradigm Press, 2003. 112 p.
 18. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin. In: *Environmental Humanities*, 2015, Vol. 6, pp. 159–165.
 19. Haraway D. *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вермишова Полина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта;
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina I. Vermishova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport;
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вермишова П. И. Человек и общество в эпоху хтулукена: взгляд Д. Харауэй // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 70–79.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79

FOR CITATION

Vermishova P. I. Man and Society in the Age of Chthulucene: The View of D. Haraway. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 70–79.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79